

The article deals with problems of defining of social basis and most characteristic traits of English Puritanism and its' influence on English culture. The views of contemporary British historians on these problems are discussed and summed up.

УДК 703+72

Моцук А.В.

АНТИСЕМИТИЗМ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

Межвоенная Польша, а вместе с ней и Западная Беларусь являлись в определённой степени «уникальным» государством: с одной стороны, ни в одной другой стране Центральной и Восточной Европы еврейское население не было столь широко представлено в общественно-политической сфере различного рода политическими партиями и общественными организациями, с другой – ни одна другая страна не знала столь широкого размаха проявлений антисемитизма. Антисемитизм как явление во второй польской республике достаточно чётко дифференцируется как по периодам своих пиков, так и по мотивам и формам его проявлений. Первый этап развития антисемитизма в стране приходился на рубеж 10-х – 20-х гг. XX в. и условно был связан с окончанием Первой мировой войны и воссозданием независимого польского государства. В его основе лежал комплекс причин, который можно разделить на несколько групп.

Во-первых, своеобразным толчком к развитию антисемитизма стала погромная волна, которая прокатилась по будущим восточным областям молодого польского государства в результате ряда военных конфликтов в самом начале его существования. В основе данной волны лежал широкий спектр мотивов – от элементарной анархии, безнаказанности и «традиционного» восприятия еврея как объекта физического насилия, до стремления к материальному обогащению за счёт еврейского населения. В определённой степени моральным побудителем к подобному рода действиям было то, что в глазах рядового обывателя из числа местного нееврейского населения еврей зачастую ассоциировался с мошенником, «наживающимся за счёт бедных неевреев».

Во-вторых, рост антисемитизма в данный период, особенно на государственном уровне, связан с процессом создания национальных государств на территории западных окраин бывшей Российской империи – Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и литовского государства. В данном случае еврейские политические круги либо поддерживали местных национальных лидеров, которые проводили открытую антипольскую политику, либо заявляли о своём нейтралитете. Мотивом данного поведения еврейской политической элиты являлась надежда на то, что в рамках этих молодых национальных государств, население которых ещё недавно само испытывало национальный гнёт, еврейское население будет вписано не только в экономическую структуру, но и в политическую систему страны. А так же будет иметь право на создание собственной национально-культурной автономии.

В глазах польских национальных лидеров и прежде всего лидера национальных демократов Р. Дмовского, который фактически исповедовал принцип «кто не с нами, тот против нас», это являлось открытым предательством интересов польского государства. Не случайно два самых сильных погрома начала 1920-х гг. на территории Польши произошли в этнически смешанных регионах, где польская национальная политика наталкивалась на противодействие со стороны других наций. Во Львове, где еврейское население заявило о своём нейтралитете в польско-украинском конфликте, евреи были обвинены поляками «в сотрудничестве с украинцами». В Вильно, который являлся центром литовского и белорусского национального движения, евреи так же были обвинены в том, что поддерживали литовские националистические силы.

Фактически образ еврея стал собирательным образом врага польского государства, будь то еврей-большевик Советской России, либо сторонник ЗУНР или Литовской республики. Нет сомнений и в том, что волна антисемитизма была вызвана ростом польского национализма и провозглашением доктрины «Польша для поляков».

В-третьих, нельзя списывать со счетов и последствия жёсткого экономического кризиса, который прокатился по Польше в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. В условиях роста экономических проблем существует тенденция обострения межнациональных взаимоотношений. Что выливалось, в данном случае, в постоянное нагнетание антиеврейских настроений, т.к. в глазах рядового обывателя еврей представлялся либо конкурентом, либо мошенником, наживающимся на тяжёлом положении поляков (украинцев, белорусов и т.д.).

Второй этап роста антисемитизма связан со второй половиной 30-х гг. XX в. В его основе лежали две основные причины:

1. Последствия экономического кризиса 1929–1932 гг., который фактически подорвал польскую экономику, тем самым поставив рядового польского обывателя на грань выживания.
2. Рост профашистских настроений в Польше на волне популярности идей национал-социализма, связанных с приходом А. Гитлера к власти в Германии.

Характеризуя развитие антисемитизма в Польше, следует понимать, что он дифференцируется не только по периодам проявления, но и по формам. С одной стороны, достаточно чётко определяется государственная политика гонений на еврейское население, которая проявлялась через определённые мероприятия государственных органов власти, например печально известная *numerus clausus* – «скамья гетто» – в университетах, в результате введения которой количество евреев-студентов в польских университетах сократилось с 24.6 % в 1921–1922 гг. до 8.2 % в 1938–1939 гг. [1, л. 12].

Кроме этого, польское государство проводило политику, направленную на ограничение влияния евреев на польскую экономику. Евреям стало практически невозможно получить банковские ссуды либо лицензии на ремесленную деятельность. Более того, правительство приняло закон, по которому запрещалась работа в воскресные дни. Польской общественностью он был встречен как прогрессивный акт, так как фактически данное требование было одним из главных требований польского рабочего движения. Однако евреями он воспринимался совершенно иначе, так как данный закон подразумевал, что многие евреи будут вынуждены в течение двух дней в неделю закрывать свои магазины и мастерские, а значит, нести определённые материальные убытки.

С другой стороны, мы можем говорить о бытовой стороне антисемитизма, в том числе на уровне негативного восприятия образа еврея рядовым обывателем (См. Розенблат Е., Еленская И. Евреи Западной Белоруссии глазами их соседей // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2006. № 3. С. 150–179). Подобную характеристику различным сторонам антисемитизма дают лидеры польского Бунда, той партии, которая фактически возглавила борьбу еврейского населения с данным явлением.

Характеризуя проявления антисемитизма в Польше, руководство Бунда выделяет два основных его направления: бытовой или хозяйственный и общественно-политический, причём последний

Моцук Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

рассматривается исключительно как способ борьбы польского государства с рабочим движением [4, С. 237]. С данным утверждением сложно не согласиться, однако стоит понимать, что различные формы антисемитизма характерны для различных этапов существования польского государства.

Так, в самом начале второй польской республики мы сталкиваемся, в большей степени, с проявлениями погромной практики, которая в меньшей степени имеет политическую окраску. Здесь, на наш взгляд, на первый план выходит жажда наживы за счёт еврейского населения. Показателен, в данном отношении, допросный лист польской контрразведки одного из солдат формирований С.Н. Булак-Балаховича, в котором в ответ на вопрос о мотивах своего участия в движении допрашиваемый откровенно признаётся: «Хотел сколотить состояние» [2, л. 129]. Ответ возможно и не характерный, но показательный, т.к. в большей степени сколотить данное состояние проще всего было за счёт бесправного, да и беззащитного еврейского населения, а не бедного жителя полесской деревни.

При этом следует отметить, что на территории Западной Беларуси степень активности антисемитских элементов была минимальна. Данное явление, на наш взгляд, обуславливалось традиционной концентрацией еврейского населения края в городах и местечках, которое, в свою очередь, приводило к тому, что основная масса контактов, а следовательно, и возможных противоречий с титульным населением сводилась к сфере торговли. Безусловно, конфликтные ситуации могли возникать и на этой почве, но, на наш взгляд, они носили в подавляющей массе бытовой характер. Так, польская гражданская администрация фиксировала недовольство со стороны белорусских крестьян монополией еврейских торговцев в сельской местности, необоснованным, с их точки зрения, завышением цен и т.д.

В западнобелорусском регионе, в отличие например от центральных регионов Польши титульное население (белорусы) практически не было представлено в сфере торгово-промышленной дея-

тельности. Здесь также отсутствовали крупные промышленные центры, где интересы еврейского и титульного пролетариата могли вступать в противоречия (борьба за рабочие места и т.д.). Так же, с определённой долей вероятности, мы можем утверждать, что в Западной Беларуси в межвоенный период сохранилась тенденция, когда основным источником формирования промышленного пролетариата выступало еврейское население. Межвоенный западнобелорусский город или местечко – это прежде всего еврейский город, где белорусы, поляки или русские составляли меньшинство.

Безусловно, проявления антисемитских настроений, прямых погромных действий, особенно в конце 1930-х гг., отмечаются и на территории Западной Беларуси, однако в большей степени они носят единичный характер. С другой стороны, пример погрома 1937 г. в Бресте достаточно ярко характеризует мотивационную составляющую действий погромщиков, которая, на наш взгляд, сводилась к бездействию или наоборот прямому попустительству со стороны властей, а так же со стороны обывателей, принявших участие в погроме, элементарной возможности безнаказанно пограбить.

Таким образом, очевидно, что территория четырёх западнобелорусских воеводств Второй Речи Посполитой не стала регионом массовых проявлений антисемитизма. По крайней мере, мы можем привести примеры лишь единичных всплесков погромных явлений, зачинщика или участниками которых являлось местное население.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО) Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 1299.
2. ГАБО – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 346.
3. Розенблат Е., Еленская И. Евреи Западной Белоруссии глазами их соседей // Диаспоры. Независимый научный журнал. – 2006. – № 3.
4. Nowogródski, E. Żydowska partia robotnicza w Polsce 1915–1939 / E. Nowogródski. Warszawa: ŻIH, 2005. – 362 s.

Материал поступил в редакцию 16.11.15

MOSHCHUK A.V. Anti-Semitism in intermilitary Poland and the Western Belarus: the general and private

The article deals with the formation of anti-Semitic manifestations on the territory of the central provinces of Poland and the territory of the north-eastern provinces of the second Polish Republic. The author attempts to analyze the preconditions of formation of anti-Semitism in these regions, the classification of its forms, given the general characteristics and special features of anti-Semitism in various areas of the Polish state.

УДК 271.2 (476)

Восович С.М.

РАЗВИТИЕ ОДНОКЛАССНЫХ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ ГРОДНЕНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1912/1913 УЧЕБНОМ ГОДУ

Введение. Одной из недостаточно изученных тем в отечественной исторической науке является развитие церковно-школьного дела в начале XX в. Не исключение и история развития одноклассных церковно-приходских школ Гродненской епархии накануне Первой мировой войны. В связи с этим в указанной работе поставлены следующие задачи: 1) проанализировать количественную динамику как самих одноклассных церковно-приходских школ, так и обучавшихся в них учащихся в изучаемый период; 2) рассмотреть состояние учебно-воспитательного процесса указанного типа учебных заведений накануне Первой мировой войны; 3) показать эффективность работы церковных школ в 1912/1913 учебном году.

В 1912/1913 учебном году одноклассных церковно-приходских школ в Гродненской епархии было 542. Из них 12 учебных заведений были двухкомплектными с четырехгодичным курсом обучения.

В сравнении с предшествовавшим учебным годом число школ увеличилось на 7 (таблица 1). Следует признать, что не во всех уез-

дах произошло увеличение числа учебных заведений подобного типа. Если в Бельском, Кобринском, Пружанском и Сокольском уездах в рассматриваемый период наблюдалась положительная тенденция изменения числа училищ, то в Белостокском, Брестском и Слонимском их количество уменьшилось.

Больше всего одноклассных церковно-приходских школ в 1912/1913 учебном году функционировало в Слонимском, Брестском и Бельском уездах. Меньше всего – в Белостокском и Сокольском (таблица 2). Незначительное количество школ в двух последних уездах объяснялось малочисленностью православного населения.

Среди одноклассных школ заметно преобладали смешанные учебные заведения. В целом они составили 83,8 % от общего количества школ.

Самой малочисленной группой были мужские школы. В Кобринском и Белостокском уездах таковых вообще не было. В то же время женские школы существовали во всех регионах Гродненщины. В Волковыском уезде такие училища составили 17,5 % от всего количества одноклассных церковных школ региона, в Гродненском – 21,1 %.

Восович Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267, e-mail: smvosovich@bstu.by.